

На правах рукописи

Кузнецов Алексей Михайлович

**СИСТЕМА АДАПТАЦИИ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ
РАННЕГО ГОЛОЦЕНА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ
(по материалам стоянок острова Лиственичный
Като-Ёдарминского расширения р. Ангары)**

07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Иркутск - 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент **Липнина Екатерина Анатольевна**

Официальные оппоненты:

Васильев Сергей Александрович, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный руководитель

Лбова Людмила Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Высшая школа международных отношений, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «_____» _____ 2021 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.088.08, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» (650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Кемеровского государственного университета:

<https://kemsu.ru/upload/iblock/0a2/0a26315b220d23c6cbfd62411017bb8a.pdf>

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермоленко Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одним из ключевых аспектов в исследовании культур охотников-собирателей является понятие адаптации как многомерного пространства человеческой культуры, которое изменяется во времени в потенциально независимых измерениях, пересекающихся между собой только в отдельных случаях [Chatters, 1987]. В отечественной научной традиции этому термину синонимично понятие системы жизнеобеспечения как взаимосвязанного комплекса экологически обусловленных форм социального поведения, обеспечивающего человеческому коллективу существование [Крупник 1989]. Данный подход широко применяется в зарубежной и отечественной археологии.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью обобщения опыта исследования систем адаптации древних охотников-собирателей и применения новых методологических подходов при анализе стояночных комплексов раннего голоцена Северного Приангарья.

Степень изученности темы исследования характеризуется разработкой отдельных вопросов типологии, планиграфии, хронометрии и стратиграфии стоянок Северного Приангарья. Рассматривая «адаптационную» тематику в археологии Байкальской Сибири, необходимо отметить работы российско-канадского Байкальского Археологического Проекта [Горюнова, Вебер, 2017], концепцию сибирского мезолита [Аксенов, 1969; Медведев, 1968], исследования стоянок Байкало-Патомского нагорья с позиции системно-деятельностного подхода [Инешин, Тетенькин, 2010].

Объектом исследования является система адаптации охотников-собирателей раннего голоцена Северного Приангарья как совокупность паттернов мобильности, технологии и поселенческой активности.

Предметом исследования выступают раннеголоценовые культуросодержащие горизонты многослойных местонахождений Остров Лиственичный Пункты 1 и 2.

Цель исследования заключается в построение модели адаптации охотников-собирателей раннего голоцена для территории Северного Приангарья.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**, разделенные на следующие блоки вопросов:

1. С историографическим блоком связано решение задач определения современных подходов к изучению систем адаптации охотников-собирателей и анализа региональных разработок адаптационной тематики в публикациях по археологии Северной Ангары.

2. Палеоэкологический блок посвящен выяснению экологических характеристик Северного Приангарья – долгосрочных (рельеф, геоморфология, геология, гидрология) и краткосрочных (климат, фауна, флора) фоновых факторов окружающей среды.

3. В технико-типологическом блоке решены задачи описания и анализа каменных и костяных индустрий раннеголоценовых горизонтов, пространственного распределения материалов для дальнейших аналитических построений.

4. В «процессуальный» блоке выполнена задача выделения паттернов технологической, поселенческой и экономической (ресурсодобывающей) активности для построения модели системы адаптации охотников-собирателей раннего голоцена в Северном Приангарье.

Территориальные рамки работы определены границами Като-Ёдарминского расширения р. Ангары. Выбор территории обусловлен наличием здесь четко выраженной в ландшафте группировки стояночных комплексов раннего голоцена по формам рельефа и высотности.

Хронологические рамки определены временем существования рассматриваемых в работе комплексов. Они ограничиваются, с одной стороны, датировкой культуросодержащих отложений местонахождения Остров Лиственичный Пункт 1 – около 9,3 тыс. некал. л. н., с другой – серией датировок культуросодержащих отложений местонахождения Остров Лиственичный Пункт 2 в пределах 8,4–8,5 тыс. некал. л. н. Однако, главным хронологическим маркером

является стратиграфическое положение культуросодержащих горизонтов, определяемое на основании региональной климато-стратиграфической шкалы периодом раннего голоцена (пребореал – РВ и бореал – ВО) и датируемое временем 10,3–8,0 тыс. некал. л. н. [Воробьева, 2010]. Выбор данного хронодиапазона обеспечивает рассмотрение системы адаптации древних охотников-собирателей в условиях общего палеоклиматического фона.

Методологической основой работы являются как общенаучные методы (описание, обобщение, классификация, анализ, синтез, метод аналогий, метод моделирования, реконструкция, корреляция), так и частнонаучные исторические методы исследования (метод критики источника, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы). Археологические методы исследования реализованы посредством применения культурно-типологического и процессуального подходов к описанию и анализу археологических источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве основы изучения адаптации охотников-собирателей можно предложить культурную экологию, подразумевающую анализ множества связанных, частично связанных и не связанных между собой аспектов системы жизнедеятельности. Одним из наиболее подходящих методологических инструментов, позволяющих проводить анализ в системе «человек – окружающая среда», является концепция адаптивных стратегий.

2. Палеоэкологические условия Северного Приангарья в раннем голоцене обуславливали сезонную дискретность промысла, что нашло отражение в глубокой ресурсной диверсификации промысла охотников-собирателей; высокоспециализированном по своим функциям инвентаре; сосредоточении стоянок в наиболее ресурсоемких участках ландшафта.

3. Охотники-собиратели Северного Приангарья практиковали организационную тактику, подразумевающую базовые лагеря, откуда выдвигались и куда возвращались промысловые группы, где происходила основная часть резидент-

ной (устройство жилья), хозяйственной (утилизация добычи), технологической (раскрой каменного сырья, производство и хранение орудий) активности, и ресурсные стоянки, где осуществлялась добыча определенных ресурсов и сбор информации о них.

4. Стратегия адаптации охотников-собирателей Северного Приангарья демонстрирует логистическую мобильность (добыча ресурсов посредством организации узкоспециализированных промысловых групп) и тактику максимизации ресурсной отдачи с определенной территории.

Новизна исследования. На основе введения в научный оборот совокупности данных по опорным раннеголоценовым объектам Северного Приангарья (Остров Лиственичный Пункты 1 и 2), а также в результате сравнения и корреляции изученных материалов между собой и с другими объектами Като-Ёдарминского расширения, предложена базовая модель системы адаптации охотников-собирателей региона в раннеголоценовое время. Впервые для Северного Приангарья осуществляется рассмотрение материалов стояночных комплексов с точки зрения концепции адаптивных стратегий.

Источниковую базу работы составляют материалы раннеголоценовых горизонтов местонахождений Остров Лиственичный Пункт 1 и Пункт 2 (раскопки 2007–2012 гг. под руководством Е. О. Роговского, ИГУ). Общее количество археологического материала составляет 10249 ед. находок, зафиксированных на раскопанной площади 1850 м².

В состав естественно-научных данных включены результаты анализа палеофауны (канд. геогр. наук А. М. Клементьев – ИЗК СО РАН; канд. биол. наук А. М. Мамонтов – Лимнологический институт СО РАН; канд. биол. наук Н. В. Мартынович), палинологические данные (д-р геогр. наук Е. В. Безрукова – ИАЭТ СО РАН), результаты палеопедологических и геологических наблюдений (канд. биол. наук Г. А. Воробьева, П. Н. Ребриков – биолого-почвенный факультет ИГУ, Е. П. Денисенко – АО «Иркутскгеофизика»), петрографические определения (Г. В. Орлова – Лаборатория геологии и магматизма древних

платформ ИЗК СО РАН); радиоуглеродное датирование (Лаборатория Отдела хронологии кайнозоя ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, Россия; Отдел наук о Земле Калифорнийского университета, Ирвинг, США).

Кроме того, к сравнительному анализу привлечены материалы других раннеголоценовых комплексов Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья – Усть-Ёдарма I и Сосновый Мыс (раскопки 2009–2012 гг. под руководством Е. О. Роговского и А. А. Тимощенко, ИГУ).

Научно-практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы как база для культурно-исторических реконструкций, для подготовки научных изданий, учебных пособий по археологии и палеоэкологии региона, музейно-экспозиционных материалов. Естественно-научный блок данных может быть применен для уточнения региональной и межрегиональной климато-стратиграфической шкалы раннего голоцена.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 14 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в рецензируемых изданиях из Перечня ВАК. Результаты исследования представлялись автором в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и двух приложений, включающих 72 иллюстрации и 8 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, представлена степень ее разработанности; сформулированы объект и предмет, определены цель и задачи работы, ее территориально-хронологические рамки, охарактеризованы применяемые методологические принципы; изложены положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Системы адаптации в изучении древних культур охотников-собирателей» представляет собой краткий обзор развития методологи-

ческих установок в изучении взаимоотношений в системе «человек – окружающая среда».

В разделе 1.1. «Развитие взглядов на изучения систем адаптации охотников-собирателей в отечественной и зарубежной науке» рассматривается этап становления и развития культурно-экологической парадигмы в исследовании древних культур в нашей стране и за рубежом.

С самого начала изучения каменного века древний человек воспринимался как дикарь, ежедневно борющийся за выживание. В таком контексте палеогеография часто рассматривалась как единственное разумное объяснение особенностей хозяйства, быта и материальной культуры древних и традиционных обществ охотников-собирателей.

Этнографические наблюдения конца XIX – начала XX в. представили новые свидетельства об образе жизни коренного населения Северной Америки, Австралии и Сибири, которые дополняли господствующую географическую парадигму культурно-социальным аспектом. Новый взгляд на эту проблему был выработан приверженцами американской школы «культурной экологии» Дж. Стюарда в 1920–1930 гг. [Аверкиева, 1979]. Они развивали взгляд на человеческую культуру с точки зрения двух независимых переменных: окружающей среды и технологии [Steward, 1955].

В советской академической традиции переосмысление роли окружающей среды в развитии человеческой культуры произошло в 20-е гг. XX в., начиная с работ этнографа В. Г. Богораз-Тана [1928]. В 1950-е гг. эта идея получила дальнейшее развитие в концепции хозяйственно-культурных типов – исторически сложившихся комплексов особенностей хозяйства и культуры [Толстов, 1932; Левин, Чебоксаров, 1955; Окладников, 1950]. Такие типы рассматривались как историческая форма развития общества в конкретной природной среде.

В 1960-е гг. система жизнедеятельности охотников-собирателей приобрела исключительное значение в Новой археологии [Клейн, 2009]. Исследуя проблему постплейстоценовой адаптации, основатель этого направления

Л. Бинфорд считал, что рост населения был вызван изменениями окружающей среды позднего плейстоцена – раннего голоцена, допуская оседлость в определенных благоприятных условиях. Таким образом, к числу главных факторов культурного взаимодействия была приобщена демографическая переменная.

В 1980-х гг. важность этой переменной возросла с введением в археологию и антропологию теории оптимального фуражирования [Bettinger, 1980; MacArthur, Pianka, 1966]. В частности, две модели, заимствованные из эволюционной биологии – «диапазон рациона» и «выбор угодий», сыграли ключевую роль в формализации аргумента о величине популяции.

С 1970-х гг. в «уравнение» культурной экологии была введена переменная социального взаимодействия. Антропологи и археологи пришли к выводу, что культурные модели поведения, казавшиеся иррациональными (фанатичное дарение подарков, гадание) или разрушительными (набеги), выполняли скрытые, групповые социальные функции. С этого времени понятие адаптации было концептуализировано в мировой археологии.

В отечественной научной традиции с 1970-х гг. идею адаптивного характера человеческого общества активно развивали П. М. Долуханов и В. Р. Кабо [Долуханов, 1972, 1979, 1985; Кабо, 1979]. В 1980–1990-е гг. концепция культурной экологии нашла отражение в отечественной науке, благодаря работам Э. С. Маркаряна, В. М. Массона, С. А. Арутюнова [Арутюнов, 1989; Маркарян, 1981; Массон, 1996].

Таким образом, зарубежная и отечественная наука в поисках объяснения поведения древнего человека шли сходными путями, основываясь на культурно-экологических предпосылках. Элементы культуры, определяющие хозяйственно-культурный тип, аналогичны «культурному ядру» культурной экологии, тогда как явления, указывающие на принадлежность той же культуры к определенной историко-культурной области, соответствуют «вторичным» элементам культуры по Дж. Стюарду [Ямсков, 2013].

В разделе 1.2. «Адаптивные стратегии охотников-собирателей» рассматривается концепция адаптивных стратегий, как наиболее адекватный методологический инструмент для анализа системы жизнеобеспечения человека.

Адаптивные стратегии – это унифицированные комбинации поселенческих, ресурсодобывающих, организационных и демографических паттернов поведения, которые способствуют успеху охотника-собирателя в широком диапазоне экологических условий.

К числу наиболее системных стратегий относится базовая модель *фуражиров – коллекторов* (*forager – collector*), построенная Л. Бинфордом на основе изучения сообществ бушменов и эскимосов и впоследствии усовершенствованная Р. Келли. Исследователи проследили дуализм поведенческих паттернов охотников-собирателей при адаптации к ресурсным ограничениям [Binford, 1980].

При благоприятных условиях окружающей среды и ресурсном изобилии группы охотников-собирателей практикуют резидентную мобильность, выраженную в передвижении целой группы от одного источника ресурса к другому. Эта стратегия соответствует модели фуражиров.

Когда источники ресурсов пространственно или сезонно дифференцированы, становится необходимым использовать базовый лагерь в качестве центрального места, откуда выдвигаются промысловые группы, нацеливаясь на ресурсы различного рода. Эта стратегия характеризуется логистической мобильностью и соответствует модели коллекторов.

Вместе с тем выбор ресурсов охотниками-собирателями также составляет стратегию приспособления к экологическим условиям [Winterhalder, 1981]. Этот постулат лег в обоснование модели *путешественник – обработчик* (*traveller – processor*) Р. Беттингера и М. Баумхоффа [Bettinger, Baumhoff, 1982; Bettinger, 1999].

Стратегия путешественников предполагает направленность на добычу ресурса высокого ранга. В этом случае процесс состоит почти полностью из пу-

тешествия к угожьям и поиска на них высококачественных ресурсов. По мере того как на локальном уровне ресурсы становятся дефицитными, группа перемещает базовый лагерь в более богатые районы.

Стратегия обработчиков практикуется в условиях ресурсного дефицита. Она заключается в расширении диеты путем включения в нее ресурсов среднего или низкого ранга, которые требуют больше времени на заготовку и обработку.

Приведенные модели системы жизнедеятельности обеспечивают методологический базис, необходимый для объяснения процесса адаптации охотников-собирателей к условиям раннего голоцена в Северном Приангарье.

Во второй главе «**Экологические характеристики Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья**» анализируются долгосрочные фоновые факторы окружающей среды Северного Приангарья.

В разделе 2.1. «*Геоморфология*» охарактеризованы геоморфологические особенности территории исследования.

Северное Приангарье представляет собой пластовую расчлененную равнину с горным обрамлением. Регион вписан в географические координаты N 55–60°; E 90–105° и подразделяется на три больших микрорегиона: широтное простираие долины р. Ангары от Стрелки (слияния рек Енисея и Ангары) до устья р. Ката, субмеридиональный участок р. Ангары от устья р. Каты до устья р. Илим и субширотное простираие долины р. Илима до Лено-Илимского водораздела [Северное Приангарье..., 2009].

Като-Ёдарминское расширение структурно входит в Като-Илимский участок и располагается на месте впадения в р. Ангару ее левого и правого притоков – рек Ёдармы и Каты. В этой точке магистральный водоток начинает менять направление течения с субмеридионального на субширотное. Вдоль средней части реки здесь располагается ряд островов останцового и аккумулятивного генезиса, делящих русло на два-три потока. Замедление скорости реки и аккумуляция аллювия в стрежневой части Ангары на этом участке сопровож-

дается дополнительным поступлением обломочного материала, выносимого ее притоками.

Остров Лиственичный является центральным в группе островов Като-Ёдарминского расширения. В его строении прослеживается сочленение трех аккумулятивных праостровов. Нарастание острова шло в направлении течения Ангары, что определило формирование его центрально-осевой и восточной части. Западная часть относительно недавно была самостоятельным островком, который отделялся от остальной территории острова узкой палеопротокой. Восточная часть острова начала выходить из пойменного режима только в голоцене, когда достигла относительных отметок 4–4,5 м от уреза реки. До этого времени она регулярно затапливалась в периоды паводков и половодий.

В разделе 2.2. «Геология» охарактеризованы геологические особенности региона.

Геологическое строение Северного Приангарья определяется его расположением в пределах юго-западной части Сибирской платформы и ее горноскладчатого обрамления. Эта территория находится на сопряжении Катского мезоблока Ангарского кратона с Ангаро-Катангской мобильной зоной.

Чехол Сибирской платформы в результате полициклического развития имеет многоярусное строение [Денисенко, Ощепкова, 2012]. Его формирование происходило на протяжении пяти циклов: поздневендско-раннеордовикского, среднеордовикско-раннекаменноугольного, раннекаменноугольно-триасового, юрско-палеогенового и неоген-антропогенного, включающих более 12 структурно-тектонических этапов [Геология и полезные ископаемые..., 2002]. Каждый этап характеризуется особым структурным планом с определенным комплексом формаций. На границе этапов устанавливаются региональные перерывы и резкие изменения условий осадконакопления. Как следствие, в пределах региона имеются выходы пород разного возраста. Долгая геологическая история выразилась в современном ландшафте Северного Приангарья в виде пологих придолинных композиций, береговых уступов, моренных гряд, галечно-

валунных кос, глыбовых скоплений, подскально-наносовых островных образований [Северное Приангарье..., 2009, с. 301].

Сложность процессов формирования ландшафта Северного Приангарья в полной мере отразилось в геологическом строении Като-Ёдарминского расширения. Оно приурочено к одноименному тектоническому узлу, сформированному в верхнепалеозойское время.

В пределах этой территории выражены катская свита каменноугольного периода, бургуклинская свита раннепермского времени, в виде небольших изолированных пятен выделяется позднепермская ингабинская свита. Коры выветривания позднепермско-триасового этапа в Като-Ёдарминском расширении сложены туффито-песчаниковыми (тутончанская свита), толеит-базальтовыми пирокластическими (учамская свита) и туффито-песчаниковыми (бугариктинская свита) формациями, прорываемыми ферро-долеритовой (кузьмовский комплекс) и толеит-долеритовой (агатский комплекс) интрузивными формациями. Выделяется также предъюрская кора выветривания и чайкинская свита юрского времени. Поздненеоплейстоценовые и голоценовые отложения характеризуются невыдержанностью слоев по простиранию и различным генезисом.

Таким образом, можно установить, что Като-Ёдарминский тектонический узел характеризуется достаточно долгой геологической историей, выразившейся в сложном строении современной ландшафтной структуры, сочетающей в себе разнокомпонентные формы рельефа, а также в представительности различных по своей структуре и гранулометрическому составу горных пород, в том числе и поделочных, на этой территории.

В разделе 2.3. «Гидрология и климат» рассматриваются соответствующие современные особенности территории региона.

Магистральным водотоком Северного Приангарья выступает р. Ангара. В соответствии с гидрологическим районированием практически вся территория региона входит в Нижне-Ангарский район. Коэффициент речной сети составляет около 0,6–0,65 км/км². Преобладающие уклоны средних рек не превышают

0,1–0,15 м/км, увеличиваясь на мелких реках до 0,5 м/км. Реки района в историческое время характеризуются выраженным весенним половодьем и незначительными паводками в теплое время года.

Долина Ангары в этом районе преимущественно V-образная, шириной 4–6 км, в озеровидных расширениях приобретает ящикообразную форму шириной до 7–9 км. Пойма односторонняя, представлена в виде коротких участков в устьях притоков, ее ширина 70–150 м, у р. Ката – до 400 м.

Като-Илимский участок Ангары до затопления ложа Богучанской ГЭС характеризовался наличием множества островов аккумулятивного, останцового и смешанного генезиса, параллельно-рукавным течением с чередованием порогов и обширных плесов, многочисленными протоками с разной скоростью течения [Чалов, Чалов, 2009]. Данные ландшафтно-гидрологические особенности обеспечивали режим наибольшей благоприятности для донной фауны и, соответственно, высокую рыбопромысловую ценность [Кожов, 1950]. Като-Ёдарминское расширение включает в себя все характерные особенности этого участка.

Резко континентальный климат Северного Приангарья определяется положением региона в центре материка, значительной приподнятостью над уровнем моря и сложностью орографии. Летом развивается циклоническая деятельность, с которой связано выпадение значительного количества осадков, зимой доминируют мощные малоподвижные антициклоны, характеризующиеся морозной, малооблачной погодой с небольшим количеством осадков.

Характерной особенностью зимнего периода является инверсия климата – во второй половине ноября в приземном слое происходит резкое понижение температуры воздуха. Годовые значения осадков колеблются в пределах 400–500 мм. Твердые осадки выпадают с октября по апрель и составляют 25–40 % от годовых значений [Ресурсы поверхностных вод..., 1972].

В третьей главе «**Раннеголоценовые горизонты стоянок Острова Лиственичный**» проведен анализ историографии, стратиграфии, хронометрии, технологии, типологии и планиграфии раннеголоценовых комплексов.

В разделе 3.1. «*Остров Лиственичный в истории археологического изучения Северного Приангарья*» выделены этапы в изучении древнейшей истории Северного Приангарья.

История археологического изучения Северного Приангарья насчитывает около 300 лет. Вследствие труднодоступности и масштаба региона, оторванности от населенных пунктов, ограниченности судоходства в нижнем течении р. Ангара научные исследования здесь были затруднены не только в XVIII–XIX вв., но и в новейшее время. Поэтому за основу периодизации истории изучения Северного Приангарья принята интенсификация археологических работ в этом районе. Выделенные этапы отражают главным образом степень фактического накопления археологического материала.

Первый «допроизводственный» этап исследований (XVIII в. – конец 1920-х гг.) начинается с полевых сборов археологического материала учеными-натуралистами. Процесс обследования территории прогрессирует в земляные рекогносцировочные работы и закономерно перетекает в стационарные специализированные раскопки археологических местонахождений. Результаты полевых работ дают исследователям основания предположить, что уже с древних времен Северная Ангара выступала в качестве «магистральной» для распространения древних культур с запада на восток. Проводятся первые параллели между материалами Южного и Северного Приангарья [Витковский, 1889].

Второй «производственный» этап (1930-е гг. – середина 2000-х гг.) характеризуется активными тематическими исследованиями 1930-х гг. и 1960–1970-х гг., связанными с подготовкой к строительству Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. В 1980-е гг. исследования постепенно останавливаются вместе с прекращением целевого финансирования. В конце этого периода они вновь, как и в «допроизводственный» этап, приобретают характер пунктирно-разведочных. Научные итоги второго этапа исследований выразились в создании предварительной стадийной схемы развития древних культур региона начиная с позднекаргинского – раннесартанского времени. В соответствии с новыми материа-

лами хронологически актуализируется периодизация неолита. Наряду с палеолитом, выделяется североангарский мезолит [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Третий «спасательный» этап (2007–2012 гг.) связан с возобновлением проекта строительства Богучанской ГЭС. Главным итогом широкомасштабных спасательных работ стало расширение научных представлений о возрасте и представительности древних культур плейстоцена и раннего голоцена. Происходит дальнейшая актуализация периодизации неолита – бронзового века. Поддержана гипотеза Н. И. Витковского о «магистрали» постоянной миграции древнего населения по этой территории, выдвинуто предположение о сосуществовании на крупных участках различных культурных общностей [Богучанская археологическая..., 2015, с. 534].

Во время третьего этапа происходит открытие и изучения стоянки Остров Лиственичный. Объект зафиксирован летом 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством старшего научного сотрудника Е. О. Роговского; в 2008–2012 гг. на нем проведены масштабные спасательные работы.

Четвёртый, «мониторинговый» этап (с 2013 г. по настоящее время) характеризуется затоплением ложа Богучанского водохранилища и нерегулярными археологическими работами в процессе мониторинга состояния незатопленных местонахождений.

Таким образом, результатом 300-летнего изучения Северной Ангары является первоначальное накопление массива археологических данных: зафиксированы и раскопаны местонахождения различных периодов каменного века, осуществлено геоархеологическое картирование стоянок, составлена предварительная схема периодизации древних культур. Однако производственный характер основных этапов изучения Северного Приангарья отразился на состоянии археологических источников. Эта проблема прямо отражается на введении в научный оборот результатов полевых работ на Северной Ангаре, их интер-

претации и дальнейших лабораторных исследованиях. В этих условиях в качестве базы для изучения процессов адаптации охотников-собирателей можно предложить раннеголоценовые горизонты стоянок Острова Лиственичный в совокупности с материалами соседних местонахождений Като-Ёдарминского расширения. Подобный выбор объясняется объемом проведенных полевых исследований, полнотой стратиграфического и планиграфического контекста, солидным корпусом полученных естественно-научных данных.

В разделе 3.2. «*Стратиграфия, микростратиграфия и хронометрия культурных остатков*» обосновывается хроностратиграфическая база предмета исследования на основе палеопедологического, микростратиграфического и радиоуглеродного анализа.

Палеопедологический анализ показал пойменный генезис рыхлых отложений на острове Лиственичном и их дифференциацию на восемь отсортированных литологических пачек.

Нижняя безгумусовая часть разреза, включающая песчаные и супесчаные отложения аллювиального генезиса пачек I–IV, представляет собой образования доголоценового возраста (Sr⁴).

Отложения V-й пачки имеют финальноплейстоценовый – раннеголоценовый возраст (Sr⁴, PB–BO). В ее строении прослеживается до трех маломощных сероцветных гумусовых горизонтов, указывающих на три фазы стабилизации раннеголоценовой поверхности поймы. К ним приурочены остатки культуросодержащего горизонта 5 (далее – к. г.) Пункта 2, культуросодержащих микрогоризонтов 2А и 2Б (далее – к. м. г.) Пункта 1.

Сильно гумусированные легкие суглинки пачки VI могут иметь среднеголоценовый возраст (AT 1–2). Потепления атлантического времени привели к оптимизации условий для развития растительности и активизации процессов почвообразования. К этой пачке относятся культурные остатки 3 к. г. Пункта 2 и 1 к. г. Пункта 1, отнесенные согласно радиоуглеродным датировкам и типологии материала к эпохе раннего неолита.

Буроватые легкие суглинки пачки VII со следами размыва отложений могут иметь средне-позднеатлантический возраст (AT 2–3). В условиях потепления климата процессы почвообразования протекали довольно активно, но они периодически прерывались бурными паводками, которые размывали ранее сформированные гумусовые горизонты. В этой пачке зафиксированы материальные остатки к. г. 2 и 2А Пункта 2, датированные финальным неолитом.

Сильно гумусированные суглинки пачки VIII формировались в условиях редко заливаемой высокой поймы. Они, вероятно, имеют суббореал-субатлантический возраст (SB–SA). В переотложенном состоянии здесь зафиксированы немногочисленные разновременные остатки возрастом от финального неолита до средневековья, включенные в состав к. г. 1 Острова Лиственичный Пункт 2.

Микростратиграфический анализ раннеголоценовых горизонтов показал, что древняя поверхность обитания на Пунктах 1 и 2 представляла собой равномерную плоскую островную террасу с резким обрывом в сторону реки, то есть повторяла современный микрорельеф. На Пункте 1 выделено два раннеголоценовых к. м. г. 2А и 2Б, на Пункте 2 – один раннеголоценовый к. г. 5.

Радиоуглеродное датирование костных остатков подтвердило результаты стратиграфических и микростратиграфических исследований. По фрагменту диафиза хищного млекопитающего (*Canis familiaris*) из к. м. г. 2Б (Пункт 1) получена дата 9375 ± 35 АМС ^{14}C л. н. (UCIAMS–185870). Из материалов к. м. г. 2А (Пункт 1) датирован проксимальный фрагмент предплечья зайца (*Lepus sp.*). Получена дата 8207 ± 29 АМС ^{14}C л. н. (OxA–39152). По костям копытных к. г. 5 Пункта 2 получена серия дат: 8575 ± 120 ^{14}C л. н. (COAN–8646), 8480 ± 135 ^{14}C л. н. (COAN–8647) и 8510 ± 135 ^{14}C л. н. (COAN–8911).

В разделе 3.3. «Петрографический анализ каменной коллекции и технологический анализ первичного расщепления» приведены результаты анализа поделочных пород и технологии нуклеарного расщепления.

Петрографический анализ показал, что все поделочные породы на пунктах Острова Лиственичный входили в состав бургуклинской и чайкинской свит, выраженных в русловом галечнике и береговых отложений рек Ката и Ёдарма.

Первичное расщепление было направлено главным образом на получение пластинок в процессе утилизации призматических и конических нуклеусов, в меньшей степени – на производство средних и крупных отщепов с плоскостных нуклеусов и больших сырьевых блоков неясной морфологии, причем применяемая стратегия расщепления была связана с сырьевой компонентой.

Специфика комплексов выражена в наличии призматических и конических нуклеусов для пластин в сочетании с плоскостными нуклеусами для отщепов; для первых характерна отжимная техника, для вторых – ударная техника с применением твердого отбойника. Сопутствующее оформление ядрищ осуществлялось мягким отбойником. Применялась дополнительная тепловая обработка литосырья. Клиновидный нуклеус зафиксирован в единственном экземпляре, полностью отсутствуют характерные для него уни- или бифасиальные преформы. Характерными формами можно считать трехгранные призматические и конические преформы нуклеусов.

В целом, нуклеарное расщепление ассоциируется с типичной для раннего и среднего неолита Байкальской Сибири стратегией утилизации призматических и конических ядрищ [Saveliev, 1992].

Раздел 3.4. *«Технико-типологический анализ каменного орудийного набора»* посвящен описанию каменного орудийного набора раннеголоценовых горизонтов.

На Пункте 1 фиксируется малое количество типологически выраженных орудийных форм: только фрагменты шлифованного тесла и наконечника на пластине. Кроме того, здесь обнаружено 9 целых и фрагментированных абразивов, 2 отбойника, 2 отщепа с ретушью и 22 пластины со следами ретуши и утилизации.

Каменная индустрия Пункта 2, напротив, демонстрирует противоположную тенденцию. Набор формальных орудий включает в себя топоры с «цапфами» (2 ед.), тесла, в том числе и шлифованные, в различных стадиях утилизации (5 ед.), подвеску из агальматолита, скребки в вариациях простых концевых, простых угловых, простых боковых и комбинированных типов (17 ед.), долото-видное орудие на фрагменте призматического нуклеуса, резцы в вариациях углового, срединного и комбинированного типов (3 ед.), листовидные и подовальные ножи (4 ед.), проколки на пластинах (3 ед.), прямоугольники (2 ед.), наконечники с заострением в 30° и прямым краем и с заострением в 50–60° и выпуклым краем (14 ед.), наконечник с асимметричной боковой выемкой, листовидный и сердцевидный бифасы (3 ед.), унифасы (2 ед.), орудие с «шипом», орудие с оббивкой утончения. Большой серией представлены абразивы (12 ед.) на плитках песчаника и гальках высокой твердости – гранитоидной и крупнозернистой кварцитовой. Зафиксирован один крупный отбойник. Неформальные орудия представлены 78 артефактами, в том числе 25 отщепами и 53 целыми и фрагментированными пластинами со следами ретуши и утилизации.

К культурно-хронологическим маркерам, определяющим место индустрии в общей схеме развития литорасщепления, можно причислить подшлифованные тесла, бифасиально обработанные ножи, ретушированные пластинки. Этот комплекс артефактов ассоциируется с переходным этапом мезолита–неолита на опубликованных материалах многослойных опорных памятниках Байкальской Сибири – Усть-Белой, Казачки I, стоянках Приольхонья [Бочарова, Тимошенко, Савельев, 2014; Каменный век..., 2001; Горюнова, Новиков, 2000].

Раздел 3.5. «Зооархеологическая характеристика костных остатков и описание инвентаря из органических материалов» посвящен анализу состава палеофаунистической коллекции и типологическому анализу орудий из кости и рога.

Определимая фаунистическая коллекция Пункта 1 включает в себя остатки таких видов, как лось (*Alces americanus*), лисица (*Vulpes vulpes*), заяц (*Lepus* sp.),

соболь (*Martes zibellina*), колонок (*Mustela sibirica*), собака (*Canis familiaris*), мелкие грызуны, птицы, рыбы. В числе орнитофауны идентифицирована кряк-ва (*Anas platyrhynchos*).

Большую часть коллекции представляет ихтиофауна – 59 % от всех остатков. Разнообразен состав некрупных хищников, много грызунов и моллюсков. Крупные кости позвоночных практически отсутствуют; лиса, колонок и соболь представлены единичными остатками. В составе ихтиофауны доминируют осетр и стерлядь (*Acipenser*) – 16 %, щука (*Esox lucius*) – 13 %, налим (*Lota lota*) – 59 %. Доля тайменя (*Hucho taimen*), сига (*Coregonus Lavaretus pidschian*), плотвы (*Rutilus rutilus lacustris*), язя (*Leuciscus idus*), ельца (*Leuciscus leuciscus baicalensis*) и окуня (*Perca fluviatilis*) колеблется от 1 до 6 %.

Определимая фаунистическая коллекция млекопитающих Пункта 2 включает в себя остатки лося (*Alces americanus*), косули (*Capreolus pygargus*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), зайца (*Lepus* sp.), медведя (*Ursus arctos*), мамонта (*Mammuthus primigenius*), грызунов. Основная масса определимого до вида материала принадлежит копытным – 88 %. Преобладающую численность среди них имеют остатки косули – 46 %, затем следуют лось – 38 %, и благородный олень – 5 %. Обнаружено довольно много остатков медведя – 10 %.

Вычисление доли скелетных элементов млекопитающих показало доминирование костей головного отдела и дистальных отделов конечностей. Кости мясных частей туши – корпуса и передней/задней четверти, – крайне немногочисленны.

Ихтиофауна составляет 7 % от всех костных остатков. Большинство приходится на осетра и стерлядь (*Acipenser*) – 59 %, щуку (*Esox lucius*) – 26 %. Остальную часть составляет налим (*Lota lota*) – 8 %, окунь (*Perca fluviatilis*) – 6 % и нельма (*Stenodus leucichthys nelma*) – 1 %.

Коллекция костяных и роговых артефактов Пункта 1 включает в себя острия из рога и кости (5 ед.), жальце и стерженек составного рыболовного крючка, заготовку каплевидной по форме костяной подвески, стреловидные костя-

ные обоймы (4 ед.), труднодиагностируемые артефакты (2 ед.) и кость со следами резки и шлифовки (8 ед.).

Номенклатура орудий Пункта 2 отличается большим разнообразием. Здесь зафиксированы зубчатые наконечники в варианте односторонних орудий с подовальным насадом и асимметричной П- и М-образной боковой выемкой (15 ед.), цилиндрические и конические отжимники (9 ед.), костяные и роговые обоймы (5 ед.), втульчатое орудие на оленьем роге, рыбка-приманка сигообразной формы, стерженек составного рыболовного крючка с латеральным пазом, игольник с орнаментом из «пучков», пуговица, кинжалы (2 ед.), роговые пластины (2 ед.), острия из рога и кости (4 ед.), игольчатые наконечники (2 ед.), «стек», шило, проколка, изделия с носиком (2 ед.), роговые скребки (3 ед.), орудия на трубчатых костях (3 ед.), изделия на роговых розетках (2 ед.), орудия на метаподиях косули (3 ед.), орудия на рогах косули (3 ед.), орудия на роговых сегментах лося (2 ед.), изделия на клыках и когтях медведя (2 ед.), изделие на фрагменте бивня мамонта, труднодиагностируемое орудие и фрагменты кости и рога со следами резки, ретуши и шлифовки (24 ед.).

Состав инвентаря документирует картину разнообразной деятельности на стоянках. Роговое сырье для изготовления орудий было представлено, в основном, подъемными сборами, судя по структуре материала. Для костяных заготовок, исходя из размера некоторых орудий (кинжал, гарпун), отбирались прямые трубчатые кости метаподий крупных копытных. Сырье подвергалось обработке при помощи каменных резцов, абразивов; также использовались более примитивные техники, включая прямой удар. Типологические ассоциации можно найти, в первую очередь, в материалах раннеолитических могильников китойской погребальной традиции Южного Приангарья.

В разделе 3.6. *«Пространственное распределение археологического материала»* представлен планиграфический анализ раннеголоценовых горизонтов.

На основе рассмотрения рисунка планиграфии к. м. г. 2А (Пункт 1), можно предположить существование здесь полифункциональной хозяйственной пло-

щадки, центром которой является кострище. На этой территории фиксируется палимпсест различных эпизодов и видов хозяйственной деятельности. Основная активность была связана с рыбными ресурсами, на что указывает большое количество остатков ихтиофауны. Сопутствующая деятельность по раскрою каменного сырья осуществлялась тут же и предположительно была направлена на производство режущего инвентаря (пластин) для разделки рыбы. Расположение депозита с абразивами и отбойником маркирует примерную границу этой производственной площадки.

Ситуация залегания материала в к. м. г. 2Б (Пункт 1) в целом повторяет планиграфическую картину вышележащего микрогоризонта. Организующим элементом территории также является кострище, вокруг которого велась систематическая разнонаправленная хозяйственная деятельность. Однако, если размеры производственных площадок по расщеплению литосырья в целом сопоставимы с к. м. г. 2А, то разброс костных остатков значительно возрастает. Предположительно данное обстоятельство связано с более продуктивным в плане рыбозаготовки эпизодом хозяйственной деятельности древнего населения.

На основании анализа скоплений к. г. 5 (Пункт 2) выделено три основные зоны активности: хозяйственно-бытовая, производственная и рекреационная.

Хозяйственно-бытовая зона располагается в прибрежной части стоянки. В ее пределах – три скопления фауны, содержащие большую часть от общего количества зафиксированных костных остатков. Можно предположить, что в этой зоне происходила разделка и сортировка добычи. Судя по составу скелетов определяемых видов копытных, она была представлена целыми тушами, причем мясные части скелета утилизировались полностью, вплоть до раздробления костей в целях добычи костного мозга. Костер, расположенный в центре крупнейшего скопления, предположительно служил для обогрева; это подтверждается почти свободным от находок пространством вокруг него. В этой зоне, по-

видимому, также осуществлялся подбор сырья и изготовление костяного инструментария, судя по концентрации обработанной кости.

Производственная зона расположена к западу от хозяйственно-бытовой. В нее включен производственный центр, состоящий из большого и среднего скопления каменных артефактов. Наибольшее количество сколов с галечной коркой и технических сколов, большое число пластин и нуклеусов, микросколов и готовых орудий позволяет говорить о полном цикле расщепления, происшедшем на этой территории. Сырьевой депозит подтверждает и дополняет картину литопроизводства – здесь же происходила отсортировка и складирование подходящего сырья. Два костра в этой зоне, вероятно, выполняли функцию обогрева.

В ходе раскопок на стоянке не было обнаружено явных следов жилищных конструкций, таких как жилищные ямы или обкладки очагов. Однако, учитывая разнообразный характер производственной деятельности на стоянке, территорию с относительно слабой концентрацией находок и следами кострищ можно интерпретировать как рекреационную зону. В горизонте были выявлены три округлых участка, на которых почти не было находок, диаметром около 3,5–4 м. Они приурочены к периферии кострищ. Эти планиграфические «лакуны» можно интерпретировать как места расположения жилищных конструкций полузакрытого типа.

Четвертая глава «Система адаптации охотников-собирателей раннего голоцена Северного Приангарья» посвящена интерпретации материалов и контекста раннеголоценовых комплексов.

В разделе 4.1. *«Палеоэкологические условия Северного Приангарья в раннем голоцене»* рассмотрены кратковременные фоновые факторы окружающей среды в раннем голоцене (климат, флора).

В начале раздела обобщены результаты климато-стратиграфических наблюдений по серии разрезов. Согласно этим данным, раннеголоценовый период в Байкальской Сибири отличается сложными и динамическими палеоэкологи-

ческими условиями. Его начало характеризуется потеплением климата после позднедриасовского похолодания. Несмотря на ряд микропохолоданий в этой стадии, в целом, можно утверждать об активизации процессов почвообразования, заторможенных делювиальным смывом, росте объема растительности.

Сравнительный анализ стабильных изотопов азота и углерода фаунистических остатков раннеголоценового и среднеголоценового горизонтов Острова Лиственичный подтверждают климато-стратиграфические наблюдения. Коррелятивными маркерами в этом анализе выступили данные, полученные в ходе реализации Байкальского археологического проекта на стоянках и могильниках Южного Приангарья.

Соотношение стабильных изотопов свидетельствует о доминировании таежного ландшафта. Несмотря на достаточно небольшую выборку данных, можно говорить о сходстве палеоэкологических условий Северного и Южного Приангарья, основываясь на диапазоне вариабельности изотопных характеристик. Однако кратное увеличение значения $\delta^{15}\text{N}$ в образцах лосей в сравнении с аналогичными образцами из Южного Приангарья и современными особями свидетельствует о более низких среднегодовых температурах, что может быть причиной частого недоедания (пищевой стресс) и/или особой диеты, состоящей из водно-болотной растительности с утяжеленным изотопным составом азота. Важной деталью является сходство сигнатур ранне- и среднеголоценовых образцов. Это подтверждает постепенность эволюции природного окружения от позднебореального времени (ВО-2, ВО-3) к раннеатлантическому (АТ-1).

Кроме того, в разделе представлены результаты палинологических исследований разрезов Острова Лиственичный. Данные споро-пыльцевого анализа также свидетельствуют о бореальном темнохвойном таежном комплексе. Ситуация на самом острове характеризовалась открытыми пространствами, занятыми разнотравьем.

Раздел 4.2. «Орудийные, ресурсные и поселенческие паттерны охотников-собирателей Северного Приангарья» посвящен интерпретации паттернов активности древних-охотников-собирателей Острова Лиственичный.

Анализ орудийных паттернов в каменной индустрии показывает, что различия в инвентаре пунктов Острова Лиственичный связаны с организационным аспектом доступности поделочного ресурса. Если организация базового лагеря диктовала необходимость создание запасов сырья, на что указывает наличие сырьевого депозита на территории Пункта 2, то на рыболовной стоянке Пункта 1 дефицит выразился в использовании неформального, относительно простого инвентаря на основе пластин.

Орудийные паттерны в костяной и роговой индустрии раннеголоценовых горизонтов острова гораздо более гибкие. На обоих пунктах наблюдается сравнительное разнообразие орудий из кости. Однако если относительно крупные орудия представлены на Пункте 1 в единичных экземплярах, то на Пункте 2 они составляют крупные серии, в том числе в составе депозитов. Доступность ресурса предположительно также играет в этом ведущую роль. Учитывая то, что заготовками изделий зачастую служили сброшенные рога, можно оценить органический ресурс, аналогично каменному, то есть как дефицитный, что отразилось на номенклатуре и размерности орудий из кости и рога на разных пунктах Острова Лиственичный.

Паттерны ресурсного обеспечения можно установить благодаря анализу состава ихтио- и териофауны, а также орудийного инвентаря. Основную часть добычи на Пункте 2, судя по количеству костных остатков, составляли косуля и лось. Пункт 1 дополняет картину ресурсного обеспечения значительной долей рыбных ресурсов. Определенную роль в рационе могла играть водоплавающая птица. Наличие костей собаки указывает на использование ее как спутника на охоте либо в качестве животного-компаньона. Общее разнообразие видов, зафиксированных в раннеголоценовых отложениях, можно связать с ландшафтными характеристиками стоянки.

К локальным особенностям добычи пищевых ресурсов на острове следует отнести ареал охотничьего промысла древнего населения. Соотношение скелетных остатков указывает на небольшую протяженность охотничьих угодий, позволяющую транспортировку всей добычи целиком к месту ее утилизации.

По результатам анализа ихтиофауны можно сделать вывод о дифференцированных стратегиях добычи рыбы на разных пунктах. Первая стратегия ориентирована на осетровые породы. Основным способом добычи выступала поколка. Вторая стратегия ассоциируется с ловлей налима и щуки методом ужения и постановки ловушек. Эти построения подтверждаются данными по рыболовству с других раннеголоценовых стоянок Северного и Южного Приангарья.

Анализ поселенческих паттернов позволяет сделать вывод, что Пункт 2 представляет собой базовый лагерь с зонированным пространством, на территории которого осуществлялась деятельность по утилизации добычи, литорасщеплению полного цикла, производству охотничьего и производственного инвентаря. Относительно хорошо выраженная резидентная зона может говорить о долговременности стоянки во время сезонного промысла. Пункт 1 демонстрирует свидетельства гораздо менее комплексной активности. Малая площадь распространения материала, ограниченный набор формальных орудий и превалирование остатков ихтиофауны в археозоологической коллекции свидетельствуют о функционировании кратковременной рыболовной стоянки на этой территории.

Приведенные в разделе результаты ГИС-анализа позволяют говорить о «кустовом» распределении раннеголоценовых стоянок в Северном Приангарье. Като-Ёдарминский «куст», куда входят Остров Лиственичный Пункт 1, Остров Лиственичный Пункт 2, Сосновый Мыс, Усть-Ёдарма I, Усть-Ёдарма II, Катина Щель, Ката I, является наиболее представительным по количеству выявленных местонахождений.

Раздел 4.3. «*Модель системы адаптации охотников-собирателей Северного Приангарья*» подытоживает результаты исследования системы адаптации раннеголоценовых охотников-собирателей Северного Приангарья.

В начале раздела приводится краткая информация о других раннеголоценовых объектах Като-Ёдарминского «куста». Наибольшей спецификой выделяются стоянки Сосновый Мыс и Усть-Ёдарма I. На основании таких характеристик, как доминирующее отношение остатков териофауны к общему количеству материала, минимальный орудийный набор, отсутствие в планиграфии пространственных системообразующих единиц (кострищ, зональности), эти стоянки можно соотнести с кратковременными охотничьими лагерями.

Базовый лагерь Пункта 2 Острова Лиственичный в совокупности с рыболовной стоянкой Пункта 1, охотничьими стоянками Соснового Мыса и Усть-Ёдармы I демонстрирует единую систему связанных разнонаправленных паттернов ресурсной (экономической) адаптации. Низкий процент сколов с галечной коркой дополняет эту картину гипотетическим наличием ресурсной стоянки, ориентированной на добычу и первичную декорткацию каменного сырья.

Проводя корреляцию элементов системы жизнеобеспечения, выявленных на материалах Като-Ёдарминского «куста», с моделью коллекторов Бинфорда, нельзя не отметить существенные аналогии.

Коллективы охотников-собирателей Северной Ангары в раннем голоцене сталкивались с периодами длительного дефицита ресурсов, вследствие сезонных колебаний биологической продуктивности окружающей среды, в первую очередь из-за климатических особенностей территории.

Организационная тактика в таких условиях включала в себя базовый лагерь, как центральное место в пространственной иерархии территории, с множеством кратковременных логистических стоянок-сателлитов, связанных с деятельностью по добыче определенных ресурсов и сбору информации о них. Распределение стоянок в ландшафте охватывает все зоны потенциальной промысловой активности: острова, гористые плосковершинные территории приустье-

вого участка р. Ката, террасовидные площадки долины р. Ёдармы. Наряду с этим, максимальной ресурсной отдаче и снижению рисков неудачного промысла способствовали сложные тактики охоты и рыболовства.

Исходя из полученных данных по системе жизнеобеспечения охотники-собиратели Северной Ангары занимают в модели Беттингера – Баумхоффа позицию, приближенную скорее к «обработчикам». В пользу этого говорит ресурсная диверсификация рациона раннеголоценовых коллективов. Судя по структуре фаунистического комплекса, диета охотников-собирателей включала в себя не только емкую по живой массе добычу высокого ранга, такую как крупные млекопитающие (лось, благородный олень, медведь), но также ихтиофауну и мелких зверей (косуля, заяц, соболь, колонок, грызуны). Выявленные стратегии в рыболовстве подтверждают углубленную интенсификацию добычи ресурсов. Организационная тактика устройства стоянок в Северном Приангарье, включающая множественные логистические (ресурсные) лагеря, также подразумевает как можно больший охват ресурсного потенциала территории.

В заключении сформулированы следующие выводы:

Существующие концепции изучения систем адаптации охотников-собирателей базируются на анализе сложных взаимоотношений в системе «человек – окружающая среда». При исследовании стояночных комплексов преобладает анализ экономических факторов, имеющих наибольшее экзистенциальное значение. Разработки, опирающиеся на достижения культурной экологии и теории оптимального фуражирования, позволили выявить различия в поселенческих, ресурсодобывающих, и обусловленных ими технологических паттернах поведения охотников-собирателей в разной экологической и социальной среде. Наиболее комплексно эти различия были выражены в дихотомии моделей адаптации «фуражир – коллектор» и «путешественник – обработчик». Исследование системы жизнеобеспечения раннеголоценовых сообществ Северного Приангарья на онтологической основе этих построений дало возможность

установить некоторые характерные черты региональной системы адаптации охотников-собирателей.

Фоновые факторы окружающей среды Северной Ангары в раннем голоцене характеризовались сложным геолого-геоморфологическим строением территории региона (слабо и среднерасчленённая равнина с горным обрамлением и развитой гидрологической системой), континентальным климатом с выраженными сезонными флуктуациями, темнохвойным бореальным комплексом. Эти характеристики отразились на сезонной и пространственной дифференциации ихтио- и териофауны, и, соответственно, системе ресурсного обеспечения и поселенческой активности охотников-собирателей.

Среди раннеголоценовых комплексов Северной Ангары можно условно выделить базовые лагеря и ресурсные стоянки. К первым в Като-Ёдарминском расширении относятся Остров Лиственичный Пункт 2 и, с большой долей вероятности, Усть-Ёдарма II. Ко вторым принадлежат стоянки Остров Лиственичный Пункт 1, Сосновый Мыс, Усть-Ёдарма I, Катина Щель и Ката I.

Первую группу местонахождений можно охарактеризовать как большие по площади лагеря с функционально дифференцируемыми зонами активности, наличием следов практически полного цикла литорасщепления и обработки кости, широкой номенклатурой высокоспециализированных формальных орудий. Вторая группа представлена небольшими кратковременными стоянками, которые отличаются преобладанием остатков определенного типа фауны, небольшим набором формального инструментария и нуклеарных форм.

Ресурсное обеспечение было основано на специализированной эксплуатации широкого спектра добычи. Диета охотников-собирателей Северного Приангарья в большей степени была ориентирована на копытных (лось, олень, кося), рыба также играла немаловажную роль в рационе.

В аспекте производства выделенные группы местонахождений имеют как общие, так и отличительные черты. Общими являются сырьевая база и технология пластинчатого расщепления призматических нуклеусов. Различия каса-

ются организационного аспекта: на местонахождениях первой группы производились в основном формальные высокоспециализированные орудия, на стоянках второй группы – неформальный инструментарий на основе пластин. Подобная дифференциация частично прослеживается в производстве орудий из кости и рога.

Указанные различия могут объясняться тем, что базовые лагеря занимали центральное положение в пространственной иерархии территории и были пунктами, откуда выдвигались и куда возвращались промысловые группы, где происходила основная часть резидентной, хозяйственной и технологической активности. На стоянках-сателлитах осуществлялась добыча определенных ресурсов и сбор информации о них. Выделенные группы местонахождений связаны системой логистической мобильности охотников-собирателей, предполагающей движение ресурсов к потребителю посредством организационной тактики, основанной на деятельности узкоспециализированных промысловых групп.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях общим объемом 10,2 п. л. (авторский вклад 5,5 п. л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Клементьев, А. М. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / А. М. Клементьев, **А. М. Кузнецов**, Е. О. Роговской // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 22. – С. 82–101. (1 п. л.; авт. вкл. 0,3 п. л.).

2. **Кузнецов, А. М.** Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / А. М. Кузнецов, Е. О. Роговской // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14 (4). – С. 23–41. (1,4 п. л.; авт. вкл. 1,1 п. л.).

3. **Кузнецов, А. М.** Стабильные изотопы углерода и азота костных остатков млекопитающих раннего и среднего голоцена стоянки Остров Лиственичный Пункт 2 / А. М. Кузнецов, А. М. Хубанова, Е. О. Роговской, А. М. Клементьев, В. Б. Хубанов, В. Ф. Посохов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2019. – Т. 27. – С. 27–35. (0,5 п. л.; авт. вкл. 0,2 п. л.).

4. **Кузнецов, А. М.** Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / **А. М. Кузнецов**, Е. О. Роговской // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 62. – С. 180–191. (1,4 п. л.; авт. вкл. 1,1 п. л.).

5. **Кузнецов, А. М.** Рыболовство в системе жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья в раннем голоцене (по материалам многослойных памятников в низовьях Ангары) / А. М. Кузнецов, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, В. М. Новосельцева // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 48 (1). – С. 52–60. (1,1 п. л.; авт. вкл. 0,8 п. л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

6. Роговской, Е. О. Местонахождение остров Лиственичный в общих проблемах ангарского неолитоведения / Е. О. Роговской, **А. М. Кузнецов**, А. А. Попов // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2012. – Вып. 1. – С. 171–177. (0,4 п. л.; авт. вкл. 0,1 п. л.).

7. Роговской, Е. О. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье / Е. О. Роговской, **А. М. Кузнецов** // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С.102–115. (0,9 п. л.; авт. вкл. 0,1 п. л.).

8. Роговской, Е. О. Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) / Е. О. Роговской, **А. М. Кузнецов** // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2 (3). – С.15–32. (1 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).

9. Роговской, Е. О. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / Е. О. Роговской, **А. М. Кузнецов** // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 77–102. (1,5 п. л.; авт. вкл. 0,6 п. л.).

10. **Кузнецов, А. М.** Вкладышевые наконечники стрел из раннеголоценового культурного слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / А. М. Кузнецов, Е. О. Роговской, С. П. Таракановский // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып. 6. – С. 207–214. (0,3 п. л.; авт. вкл. 0,2 п. л.).

Материалы конференций и тезисы докладов:

11. **Кузнецов, А. М.** Рыболовный инвентарь из раннеголоценовых отложений на многослойном памятнике Остров Лиственичный в Северном Приангарье / А. М. Кузнецов // Материалы LIV РАЭСК, Красноярск, 25–28 марта 2014 г. – Красноярск, 2014. – С. 71–73. (0,1 п. л.; авт. вкл. 0,1 п. л.).

12. **Кузнецов, А. М.** Финальномезолитические депозиты Острова Лиственичный (Северное Приангарье) / А. М. Кузнецов // Материалы LV РАЭСК, Иркутск, 23–27 марта 2015 г. – Иркутск, 2015. – С. 77–79. (0,1 п. л.; авт. вкл. 0,1 п. л.).

13. **Кузнецов, А. М.** Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном мезолите (на примере стоянки Остров Лиственичный) / А. М. Кузнецов, Е. О. Роговской // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. – Тюмень, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – С. 91–93. (0,4 п. л.; авт. вкл. 0,3 п. л.).

14. **Kuznetsov, A.** The archaeological evidence for fishing in the Mesolithic of North Angara (Baikal Siberia) / A. Kuznetsov, E. Rogovskoi, E. Lipnina // Mesolithic in Europe: book of abstracts, Toulouse, 7–11 September, 2020. – Toulouse, 2020. – P. 202–203. (0,1 п. л.; авт. вкл. 0,1 п. л.).